

АННА ДАНИЛОВА

DA

ПАРИЖ НА ЧАС

Психологический детектив

Анна Васильевна Данилова
Париж на час
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50006062

Париж на час: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-108533-9

Аннотация

В квартире, принадлежащей Екатерине Рыжовой, находят труп зверски убитого Михаила Вершинина. Екатерина утверждает, что никогда его не видела, а квартиру сдавала совершенно другому мужчине. У следователя Седова есть все основания сомневаться в ее словах, ведь в какой-то момент Катя случайно роняет фразу о том, что Вершинин был редким подонком. Впрочем, скоро выясняется, что причины убить Вершинина были у многих... Но, помимо поисков убийцы, Седову приходится заниматься личными делами – жена сбежала от него с другим мужчиной, да не куда-нибудь, а в Париж...

Содержание

1	5
2	16
3	23
4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова

Париж на час

© Текст. А. Дубчак, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*** * ***

1

Седов

– Вот интересно, что же такого он мог совершить, что его зарезали, как поросенка...

Валерий Седов, следователь следственного комитета, пожал плечами, глядя на то, как подошвы новеньких кроссовок судмедэксперта Алика Гарина, хрупкого брюнета с копной черных кудрей, окрашиваются разлившейся по паркету кровью жертвы – крупного мужчины с яйцеобразной головой с полными щеками, большими ушами и сверкающей во время вспышки фотоаппарата бледной лысиной. Алик не был циником и ко всем жертвам относился с сочувствием, поэтому оброненная им фраза о поросенке не произвела на Седова никакого впечатления. Чего нельзя было сказать о самой жертве – вот она точно впечатлила. Жестокое убийство! Убийца просто исколол его ножом. Четыре удара были нанесены в живот, в разные его места, когда же труп перевернули, оказалось, что еще один удар пришелся в спину, в область правой почки.

– Это могла сделать женщина? – спросил Седов у Гарина.

– Могла, но только в том случае, если она накачана, как мужик, или же, если первый удар был нанесен, скажем, неожиданно и сзади, и это он свалил жертву с ног, а осталь-

ные она наносила в порыве ярости, куда придется.

– Понимаю.

Большая трехкомнатная квартира производила впечатление нежилой. Какое-то все было грязноватое, непромытое и унылое. Цветов на подоконниках не было, шторы казались пыльными, ковры – вытертыми, на кухне – какая-то случайная посуда, коричневый изнутри заварочный чайник, пожелтевшая занавеска на окне, а в углу за холодильником с просроченными продуктами (мясными и сырными нарезками, засохшим тортом и кистью вялого винограда) целое войско пустых бутылок из-под пива, вина, водки и шампанского.

В спальне в шкафу Седов нашел несколько новых самых дешевых комплектов постельного белья в целлофане, а в ванной комнате в корзине для грязного белья – ворох использованных простыней и наволочек.

В прикроватной тумбочке – разноцветные пачки презервативов, тюбик с гелем и разные штуки, секс-игрушки, о предназначении которых можно было только догадываться.

В прихожей вдоль плинтусов искрились мелкие зеркальные осколки. Вероятно, на стене когда-то, вернее, совсем еще недавно, висело зеркало. Вот и гвоздь, на котором оно могло висеть. Кто-то подмел, но особо не парился, крупные куски зеркала вынес из дома (в мусорном ведре не нашлось ни одного осколка), стеклянная мелочь застряла в коврике и в углах прихожей. Там же Седов увидел зуб. Неестественно белый резец.

– Посмотри на его зубы, передние...

– Это импланты, все на месте, – отрапортовал Алик, заглянув в рот трупа.

В квартире было много чего интересного, что предстояло изучить, чтобы больше понять как о самой квартире, так и о ее обитателях. Но самым интересным было содержимое мусорного ведра. Эксперт Сережа Сторожев, вывалив на пол дурно пахнущий влажный растрепанный ком мусора, опустился перед ним на корточки и внимательнейшим образом принялся его изучать.

– Ищите орудие убийства, – твердил, как заклинание, Седов, осматривая каждый сантиметр квартиры. – Найдем нож – найдем и убийцу.

– Да нет его нигде... Убийца же не дурак, ясное дело, забрал с собой, чтобы потом выбросить.

– А по мне, так он дурак. Зачем было убивать в квартире? Наш убийца – человек вспыльчивый, злобный, доведенный до крайней точки. А потому, предполагаю, убийство непреднамеренное, он к нему не готовился. Не планировал. Скорее всего, он находился в невменяемом состоянии, а потому, если и понимал, что от ножа нужно избавиться, мог сунуть его в самое глупое место. К примеру, просто выбросить в окно. Или, как это нередко делается, в мусоропровод.

Убитого звали, судя по тем документам, что были найдены в кармане его джинсовой куртки, Михаил Юрьевич

Вершинин, 1984 года рождения. Несколько ярко-желтых, канареечного цвета визиток указывали на то, что господин Вершинин был директором мебельной фабрики «Соренто» («Sorento»).

– Может, какой-нибудь клиент, купив его диван, провалился на пол или поцарапал задницу торчащей пружиной? – мрачновато пошутил Сергей, разглядывая визитки.

– Да, поцарапался пружиной и разозлился так, что нашел Вершинина и набросился на него с ножом. Ничего так версия. Сильная.

Спустя время он уже знал, что квартира принадлежит гражданке Екатерине Борисовне Рыжовой, 1988 года рождения. Здесь же, по этому адресу, она была и зарегистрирована.

– Может, и зарегистрирована, да только не проживала она здесь, – сказал Сергей, покончив возиться с мусором и упаковав в пакеты все то, что показалось ему полезным и интересным, что могло бы пролить свет на убийство. – В ванной комнате есть несколько женских вещей, халат, коробка с прокладками, шампунь и прочее. Но всем этим могли пользоваться разные женщины. Это я к тому, что, скорее всего, эту квартиру снимали для свиданий, и вполне вероятно, что снимал ее как раз наш труп... Вершинин.

– Что с замком, Сережа?

– Чисто внешне все выглядит так, как если бы его не взламывали, но точнее я скажу после экспертизы.

– Вот, держи, я собрал несколько осколков зеркала. Об-

рати внимание на вот этот, он довольно крупный, отлетел за напольную вазу. Видишь, на нем красный след? Это не кровь, сам можешь убедиться. Предполагаю, что это губная помада. Возможно, на зеркале была сделана надпись губной помадой.

Труп гражданина Вершинина обнаружили не соседи (как это чаще всего случается), а разносчик пиццы. Молодой паренек, доставивший пиццу заказчику с этого же этажа, обратил внимание, что дверь соседней квартиры приоткрыта. Может, он и прошел бы мимо, если бы любопытство не взяло верх и он не открыл дверь шире. Вот тогда он и увидел лежащего в луже крови мужчину. Вызвал полицию.

Заказчика пиццы, молодого парня, звали Станислав. Провода от плеера, похоже, вросли в его уши, он, даже разговаривая с полицейским, продолжал слушать какую-то свою ритмичную музыку. На все вопросы, связанные с соседней квартирой, он, пальцами нервно расчесывая свою светлую гриву, отвечал однозначно: нет, не знаю, нет, нет... Ничего не видел, не слышал, незнаком. Он даже не знал в лицо хозяев квартиры!

Седов спросил, он сам-то снимает квартиру или является собственником. Станислав с кислым видом, – мол, отстаньте уже от меня, – сказал, что живет он здесь, на Руставели, с самого рождения, что «родаки» на даче, а он отдыхает от них дома.

Седов подумал, что будь Вершинин убит выстрелом, вот тогда бы Станислав, возможно, и услышал звук. А так – вскрик, стон... Конечно, если он весь в музыке или режется в компьютерную игру, то на самом деле мог ничего и не услышать.

В этой старой, советских времен, многоэтажной постройке из темного кирпича было два входа. С самой улицы Руставели невозможно было войти не замеченным камерой видеонаблюдения, установленной как раз над парковкой автомобилей. Однако с другой стороны дома, с черного, так сказать, входа, можно было войти незаметно – там камер почему-то не было. Поэтому заниматься этой темой было абсолютно бесполезно. Хотя Алик считал как раз наоборот:

– Если убийство было совершено в состоянии аффекта, как ты и сам не отрицаешь, то вполне возможно, что убийца вошел, как и полагается, с центрального входа в дом, не подозревая о том, что вскоре прирежет Вершинина, а вот выходил, уже по уши в крови, – точно через черный ход.

– Тоже правильно, – как-то сразу согласился с ним Седов.

Никто из его окружения не знал, чем обеспокоен в последнее время Валерий, о чем думает и переживает. Еще не так давно он был абсолютно счастлив со своей женой Сашей и маленькой дочерью Машей, и все было прекрасно. Никаких ссор, конфликтов. Саша была понимающей женой, редко когда упрекала его за долгое отсутствие дома, работу допоздна, ночные вызовы, словом, старалась не трепать ему нервы

и, даже наоборот, пыталась сделать так, чтобы дома Валера чувствовал себя спокойно. Окружала его заботой и нежностью.

И вот в какой-то момент с ней что-то произошло. Однажды она сказала ему за ужином, что так больше не может. И что дело не в нем и его работе, а в ней самой. Что она чувствует, как стала деградировать. Что устала сидеть дома с дочкой и заниматься исключительно домашними делами, которым нет конца. Что она уже не может видеть кухню, кастрюли, котлеты и супы. Что хочет вернуться на работу, что ей уже несколько раз звонили потенциальные заказчики, которые хотели, чтобы она, художница по интерьеру, расписала им стены. Что она ночами, когда Валерия не бывает дома, рисует эскизы будущих работ, что она просто задыхается дома, что ей плохо, что ее уже тошнит от быта... Словом, она затронула тему, весьма болезненную для Седова – няня. Не так давно он расследовал одно убийство, где подозреваемой проходила как раз няня одного семейства, и там вскрылись такие вещи, от которых у него, у мужика, просто крышу сносило. К счастью, выяснилось, что хозяйку дома убила не она; но в материалах дела были такие фотографии и видео, где няня издевается над маленьким ребенком, что просто мороз по коже. Седова просто распирало от желания показать их жене, чтобы ей больше никогда в голову не приходило доверять Машеньку постороннему человеку, но он только рассказывал ей обо всем этом в красках. А когда Саша все же

завела разговор о няне, пожалел, что в свое время не показал ей этот материал, не желая травмировать: возможно, после этого жена не стала бы поднимать этот вопрос.

Ему, следовательно, часто сталкивавшемуся со злом, с преступниками, конечно, было спокойнее знать, что его жена сидит дома с дочкой. Что в стенах своей квартиры они защищены. Ему казалось, что Саша счастлива в своем материнстве, и совсем не ревновал ее к дочери, как это случалось в других семьях, где муж переживал по поводу того, что жена рассталась в детях и перестала обращать внимание на него, на мужчину. Наоборот, Седов, занятый на работе и много времени проводящий вне дома, постоянно думал о своей семье, и это придавало ему сил, и домой он просто летел, стремился поскорее увидеть Сашу с Машей, обнять их, прижать к себе. Они были смыслом его жизни. И если его знакомые мужчины в разговорах сетовали на то, что их жены, родив, переставали следить за собой, и это ставилось им в вину, а мужьям развязывало руки, и они спокойно позволяли себе ходить налево, то Седову нравилось в своей жене абсолютно все. Да, располнела, руки не ухожены, волосы иногда растрепаны, да и устают сильно, вечером уже едва добирается до кровати, ну и что? Она – родной ему человек, и он спокойно переживет какие-то временные особенности ее положения, да он вообще не обращает внимания на все те мелочи, которые другие мужчины используют, как козыри, позволяющие им с легкостью предавать своих жен, изменяя им.

Но это он, Седов, принимал все происходящее с Сашей как должное, а вот она сама – нет. Конечно, он понимал ее; до родов она была другая, погруженная в творчество, энергичная, окруженная состоятельными заказчиками и какая-то летящая, переполненная идеями, и взгляд ее был загадочный, словно она смотрела на Седова из своего, скрытого ото всех мира. С рождением дочери она изменилась, но взгляд ее по-прежнему оставался таким же, и в нем светилось счастье. Сейчас же, когда она, возможно, пресытилась этим своим новым ощущением, ей захотелось большего – вернуться в мир, к людям, захотелось относительной свободы, творчества, признания.

– Саша, ты готова доверить Машу чужому человеку?

– Я постараюсь найти хорошую няню, – уклончиво ответила она, отводя от него взгляд.

Он понимал, что жена не является его собственностью и не принадлежит ему. Ни один человек не может всецело принадлежать другому. Хотя, вот если взять, к примеру, самого Седова, то он хотел бы быть собственностью Саши и принадлежать ей. Или это только слова, за которыми прячется его личная свобода, оправданная его профессией? Что, если его самого запереть в квартире с дочерью, лишив работы и той привычной, пусть и полной опасностей, жизни? Как он бы себя повел? И как долго бы продержался?

Сослаться на нехватку средств он не имел права – Саша до родов успела заработать столько на своих заказах, сколько

он не заработал бы и за несколько лет работы в следственном комитете.

Он не имел права запретить ей жить так, как ей хочется, это означало бы, что он запрещает ей быть счастливой.

– Хорошо, ищи хорошую няню, – сказал он с тяжелым сердцем.

...Дело Вершинина обещало быть сложным. Седов это чувствовал. Убийца на самом деле действовал под влиянием сильнейших эмоций. По мнению следователя, смерть Вершинина была связана с чувственной стороной его жизни. Это не деньги, не профессия... Он сделал что-то такое в своей жизни, что разрушило другую жизнь, сделало ее невыносимой.

Ревность. Седов довольно часто сталкивался в своей практике с убийствами на почве ревности. Ревность, как предательство. Убитый изменил женщине, разрушив ее мир. Он предал ее. Она, живя с ним или общаясь, представляла себе его другим, ею же наделенным несуществующими качествами, и была счастлива с ним ровно до тех пор, пока не убедилась собственными глазами (или ушами) в том, что жила со скотом, снимавшим квартиру для своих свиданий со шлюхами. Или же, что еще хуже, с самой близкой подругой или, скажем, сестрой той, что стала сегодня утром убийцей. Возможно, в этой истории вскоре появится и еще один труп – женский.

Седов в очередной раз обошел квартиру. Грязное белье – вот что может стать уликой. И хотя копаться в грязном белье считается неприличным, но только не для следователя, расследующего убийство. На белье убийца, а скорее всего, свидетель, мог оставить свой автограф – ДНК. Вот только с чем его сравнивать? С ДНК самого Вершинина или женщин из его близкого окружения... Сколько же людей ему придется допрашивать, присматриваться к ним, изучать их образ жизни. Кто-то да проговорится о любовницах Вершинина.

В дверях квартиры появился оперативник, рядом с ним Седов увидел молодую женщину. Невысокого роста, с ярко-рыжими растрепанными волосами и темными, какими-то страшными глазами. На ней было надето короткое черное платье с белым воротничком, смахивавшее на форменную одежду.

– Рыжова, хозяйка квартиры, – доложил опер Седову.

2

Катя

Мила. Я поначалу и не поняла, что дело пахнет жареным. Ну, пришел следователь, начал задавать какие-то вопросы о Кате, ну, я так поняла, как о хозяйке той самой квартиры, где произошло убийство. А что я-то, ее соседка, могла о ней рассказать? Да ничего. Все-таки мы подруги, а потому я на всякий случай решила держать язык за зубами. Особенно тогда, когда он заинтересовался ею как личностью, что ли. Спрашивается, какая ему разница, какая она личность, если она проходит по делу просто как хозяйка квартиры? Ну да, в квартире полно ее следов. А как же иначе-то? Я знаю, что Катя время от времени приходила туда, причем в отсутствие жильцов, чтобы проверить, как там да что. Ключи-то запасные у нее были.

К тому же у нее и право такое было, войти туда, она заранее предупреждала всех своих жильцов, что в кладовке хранятся ее личные вещи. Конечно, ничего важного у нее там не было, это она нарочно так говорила, чтобы, в случае если она войдет в квартиру и в этот момент вернутся жильцы, она спокойно могла бы там себя чувствовать, мол, зашла за какой-то вещью, книгой там...

С одной стороны, я понимаю ее. Все-таки ее квартира, и

она должна знать, какие люди там живут, что делают. С другой, конечно же, ей было просто любопытно подсмотреть чужую жизнь, своей-то, как таковой, у нее никогда не было. Она вообще неблагополучная, но об этом, по большому счету, знаю только я. Хотя у нее есть еще одна подруга, Аля, они вместе работают в парфюмерном магазине. Ох, вы бы видели, какие они там, в этом магазине! Расписанные, как куклы, не лица – маски, напудренные, накрашенные! А что им не краситься, когда в их распоряжении полно тестеров, можно самой лучшей косметикой бесплатно пользоваться и обливаться дорогими духами. Да и форма у них красивая, такое платьице черное маленькое в стиле Шанель, с белым воротничком, и туфельки на шпильках. Да любую одень так и накрась, будет красавицей смотреться. Вот и Катя моя тоже, посмотришь на нее и подумаешь, что все-то у нее хорошо, что вся такая благополучная, ухоженная, при деньгах. А на самом деле – несчастная она очень. Я всегда жалела ее.

А познакомились мы с ней по-настоящему очень странно. Так не бывает. Ну, представьте себе московское метро. Вот сколько там людей ездит, да? И вот однажды сижу я себе в метро, читаю «Девушку в поезде», вы читали? Нет? Почитайте. Страшная вещица. Не для слабонервных. Так вот, уткнулась в свой планшет, читаю, ехать еще долго. Я от сестры возвращалась, помогала ей с детьми. Народу в вагоне было мало, и я никого не разглядывала. И вот мой взгляд случайно скользнул по сидящей напротив меня девушке. Меня

зацепили ее ноги. Было холодно, на мне-то были шерстяные колготки, и вообще погода была мерзкая, дождь со снегом, уже поздняя осень, кажется, ноябрь. А девушка была с голыми ногами! И там, где выше колен, ну, бедра, в синяках и кровоподтеках. Думаю, все, кто тогда находился в вагоне рядом с ней, пялились на эти синяки и все понимали. Ужасались. Одежда на ней была вроде бы нормальная, на бомжиху не похожа, правда, юбка коротковата, хотя, если разобраться, она же молодая еще, ей недавно тридцатник стукнул, да и ноги красивые, так что может себе позволить и такую длину. Ну, ясно же, что с ней делали перед тем, как спустили в метро. Почему «спустили», а не «спустилась»? Да потому, что она так выглядела, как будто бы из нее всю душу вынули, а заодно и все силы. И голова моталась на шее, словно она не могла ее держать. Глаза с черными потеками туши – потухшие, мертвые, и полуприкрыты. Я даже и не могу сказать, что сначала испытала к ней, но чувство жалости пришло позже, когда я попыталась представить себе, что же с ней было, что ей пришлось вытерпеть. Честно скажу, подумала, что она опустившаяся бл...дища, которой уже все до лампочки. Ну и к пьяницам ее причислила. А что можно испытывать к таким особам? Чувство презрения, и это в лучшем случае. Еще предположила, что она вообще давно уже катается по кругу на метро, не соображая, куда и зачем едет.

Волосы ее были огненного цвета, но грязные, какие-то сальные, спутанные. И я почему-то сразу вспомнила свою

соседку по лестничной клетке, Катю, с которой мы просто здоровались. Я недавно переехала в этот дом, мало кого знала. Но не трудно же сказать «доброе утро» соседке. С соседями вообще нужно дружить. Иногда они становятся куда ближе кровных родственников. Но случая как-то не представлялось. Так вот, у нее тоже были такого же цвета волосы. Да только ухоженные, блестящие, волосок к волоску. Представляю, сколько времени у нее по утрам уходит на укладку феном.

И тут я, разглядывая украдкой эту мадам, вдруг поняла, что она как-то уж очень сильно смахивает на эту мою соседку. Быть может, я бы так и не решилась к ней подойти, если бы вагон как-то неожиданно не опустел, словно все москвичи передумали в него садиться. Или время уже было позднее, и все уже вернулись с работы. Словом, когда в вагоне остались всего три подростка, о чем-то оживленно спорящих в дальнем углу, которым уж точно не было никакого дела до этой рыжей (а потому я не рисковала быть осужденной посторонними за то, что заговорила с ней), я встала, присела рядом и, не глядя на нее, тихо спросила:

– Вы – Катя?

Вместо ответа она застонала, как-то моментально сдвинув расслабленные до этого бедра, сомкнула их и принялась одергивать юбку.

– Добрый вечер, – проговорила она, разлепив губы.

В это время вагон как раз прибывал на нашу станцию,

женщина с трудом поднялась и, придерживаясь за живот, направилась к дверям. Только тогда я обратила внимание на то, что у нее нет при себе ни сумки, ни пакета, ничего! Темная куртка, синяя юбка, голые ноги и черные кожаные сапоги на каблуках.

Да, это точно была она. Когда мы вышли на перрон, где я смогла ее рассмотреть получше, сомнений уже не оставалось.

Я решительно подхватила ее под руку, и мы отправились к эскалатору.

– Я помогу вам...

Вот так мы с ней и познакомились по-настоящему. Я привела ее к себе домой и даже позволила пройти обутой в кухню. Ничего, подумала я, потом полы подотру.

– Катя, что с вами случилось? Может, вызвать полицию?

Она подняла голову, посмотрела на меня и сразу же заплакала, словно, оказавшись в безопасности и осознав это, позволила себе выразить свои чувства. Слезы покатались по ее щекам.

– Нет-нет, я не стану заявлять.

Я не стала ее ни о чем спрашивать, ясно же было, что ее изнасиловали. Иначе откуда эти голые ноги в холод и синяки на ляжках. Я наполнила ванну горячей водой и сначала подумала, что она постесняется при мне раздеваться, но потом поняла, что она нуждается в моей помощи. Словом, я раздела ее в ванной комнате, с ужасом отмечая какие-то жут-

кие пятна на ее несвежем белье (стоимость которого я профессиональным взглядом продавца торгового центра оценила довольно-таки высоко!), посиневшую ссадину на пояснице и множество других следов на теле, и помогла забраться в ванну.

Потом сама лично намыливала губку и осторожно, покрываясь сама мурашками от чужой боли, проводила ею по телу Кати. Она была очень слаба.

– Уж не знаю, что там с вами случилось, – в какой-то момент меня все-таки прорвало, – но надо было бы сначала все-таки поехать в больницу, снять побои, сдать анализы... Надо наказать этого гада!

– *Га-дов*, – уточнила она, горько усмехаясь. – Их было трое. Хотя я приехала на свидание с одним. Познакомилась на сайте. Он привез меня домой, за город, а потом приехали его друзья.

– Ты имя-то его хотя бы запомнила? Фамилию?

– Только имя. Михаил. Но я заявлять не буду, они же потом меня убьют. Они на все способны, эти богачи, чтобы только не сесть в тюрьму. Кто же не побеспокоится о своем будущем? И вообще, я сама во всем виновата. Столько уже разных шоу посмотрела на эту тему, столько сериалов, сами знаете. Но всегда же кажется, что со мной этого случиться не может. Мне бы как-нибудь забыть все это и жить дальше – вот что сейчас самое главное.

– Забудешь, обязательно забудешь, – уверенно сказала я,

потому что и сама тоже прожила какую-то жизнь, и в ней тоже было немало боли и разочарований. Правда, от такой трагедии, что пришлось пережить Кате, меня бог уберег. – Ты мне только покажи на сайте этого Михаила, чтобы я сама не вляпалась...

Почему-то от этих слов Катя поморщилась, как от боли. И отмахнулась от меня. Ладно, решила я, сама потом все расскажешь, как успокоишься.

Вот тогда-то и всплыло это имя – Михаил. Убитого, кажется, тоже так звали. Что ж, собаке – собачья смерть.

3

Седов

Жену он застал за работой, она разложила на обеденном столе эскизы, карандаши, гуашь. Лицо ее, едва он вошел, осветила улыбка. Она была счастлива, а это значит, что был счастлив и он.

– Привет, дорогая! – Он поторопился обнять ее, словно боясь, что ее хорошее настроение инерционно хорошее от красиво нарисованных лимонов и каких-то узоров, а не от него самого.

– Валера, привет! – Нет, эта улыбка все же была обращена к нему. – Ты сегодня так рано. А у меня еще ничего не приготовлено. Зато Манечка спит. Разоспалась что-то. Так что я мигом приготовлю салат, пюре...

– Мне так нравится, когда ты улыбаешься, – сказал Седов. – Пюре! Отлично. Хочешь, я тебе помогу?

Все в этот вечер было, как в первые месяцы их совместной жизни – нежно, ласково, мило. Как бы ему хотелось, чтобы так и было всегда!

– Ну что, ты нашла няню?

– Ищу! – бодро ответила она, сгребая все рисунки со стола. – Я так рада, что ты согласился на няню. Вот увидишь, все будет замечательно!

И она, чуть ли не пританцовывая, отправилась на кухню – чистить картошку.

За ужином за столом их было уже трое – Манечку, розовощекую малышку, посадили на свой высокий стульчик, пододвинули ей тарелку с кашей. Она весело била ложкой по каше и хохотала, показывая мелкие зубки.

– Какое счастье, что дети долгое время ничего не понимают из разговоров взрослых, – сказала Саша, слушая рассказ мужа об убийстве Вершинина. Она уже успела привыкнуть к подобным разговорам и вполне нормально к ним относилась. Возможно, это ее спокойное восприятие было связано с тем, что все те уголовные дела, которыми занимался Валерий, представлялись ей как нечто абстрактное, не совсем реальное и происходящее в каком-то другом, взрослом, мужском полицейском мире и очень далеко от нее.

– Да уж... – ухмыльнулся Седов, с аппетитом поедая пюре. – Конечно, надо дождаться результатов вскрытия и других экспертиз, но я уже и сейчас могу сказать, вернее, предположить, что это убийство связано, скорее всего, с ревностью.

– Потому что квартира съемная, Вершинин в ней не жил и держал ее для свиданий? Думаешь, его убила жена? Вот так, ножом... несколько раз?

– Вполне может быть.

– Странно это как-то...

– Что – странно?

– Что ты, рассказывая мне об этом, постоянно твердишь о ревности, о чувствах... Это потому, что такие странные удары?

– Ну согласись, что действовал не профессионал, так? Так. Удары наносились хаотично, куда придется, словно в отчаянии и со злостью. Однако первый удар, возможно, был решающим, он-то и свалил Вершинина с ног. Да и удар тоже случайный, в область почки. Сама подумай, если бы его пришли убивать за какой-то проступок, грубо говоря, за то, что он перешел кому-то дорогу, кому-то насолил, то могли бы подкараулить его где-нибудь на улице, выманить из квартиры и пристрелить. Но его убили в съемной квартире, где он проводил время с любовницей или любовницами, где повсюду следы женщин. Да еще это разбитое зеркало!

– Знаешь, что мне пришло с голову... Маня! Прекрати! – Саша зажмурилась, так как ошметок густой каши залепил ей глаз. Она взяла салфетку и вытерла. – Конечно, зеркало могло упасть само, такое бывает, ты проверь гвоздь.

– Гвоздь сидит в стене крепко, мы проверяли.

– Получается, что его разбили. И что-то подсказывает мне, что его разбила женщина. В сердцах! Ну, типа, в него, гад такой, смотрелось такое количество твоих любовниц...

– Вот видишь, и ты думаешь о ревности, о том, что там, на месте преступления, разыгралась настоящая драма, сцена, и что женщина была разъярена, что она была в таком состоянии, что ничего уже не соображала. Ну, думаю, ты поняла.

Да, кстати, на зеркале было что-то написано губной помадой.

– Что и требовалось доказать! Возможно, там одна из его любовниц написала свой номер телефона, к примеру. Какой цвет у помады?

– Ярко-красный.

– Неплохо было бы выяснить, что это за помада, какой состав, я имею в виду, дешевая или дорогая. Ну и сравнить ее с помадой, которой пользуется жена этого самого Вершинина. Кстати, а где она? Ты уже видел ее? Ей сообщили о смерти мужа? – Она по обыкновению активно входила в тему.

– Она, по словам соседей, за городом. Кстати говоря, коллега твоя, художница.

– Бедняжка... Теперь вдова. Или вдова-убийца.

– Ладно, не будем пока торопиться с выводами. Спасибо тебе, дорогая, за ужин. Все было очень вкусно!

После ужина Седов по обыкновению прилег в гостиной на диване, включил телевизор. Саша принесла ему умытую дочку, устроила рядом с ним и вернулась на кухню мыть посуду.

У нее на самом деле было отличное настроение. Утренний звонок и последовавшая за ним встреча с заказчиком, хозяином большого загородного дома, который хотел заказать ей роспись стен, – все это не могло не радовать. Некоторые художники-дизайнеры охотятся за такими вот клиентами, ей же он, что называется, упал с неба. Доверительный разговор с одной дамой на детской площадке – и вот, пожалуй-

ста, ее сын согласился оформить свой дом росписью. Завтра утром она должна прибыть на место, осмотреть дом, предложить свой предварительный вариант оформления. Пока она не увидит хозяина, не поговорит с ним и не поймет, что он за человек и какой у него вкус, пока не осмотрит дом – трудно определиться со стилем оформления. Но на всякий случай она привезет ему эскизы в стиле «ботаника», а заодно покажет альбомы с фотографиями своих прежних работ, которые она выполняла в других домах.

Даму звали Ольга Дмитриевна, очень приятная женщина, бабушка симпатичного белокурого мальчика Даника. Пока Маня с Даней играли в песочнике на детской площадке, женщины разговорились, и Саша, воспользовавшись возможностью выговориться, призналась совершенно посторонней женщине в том, как она страдает без своей любимой работы, как тяготит ее быт.

– Вы понимаете, Ольга Дмитриевна, ведь то время, что я трачу на уборку или готовку, не говоря уже о других своих хозяйственных обязанностях, я могла бы тратить на что-то другое, полезное для людей, заняться творчеством, без которого я просто задыхаюсь! Ведь когда Манечка спит, я постоянно что-то делаю по дому, потому что конца домашним делам нет, сами знаете. И, что самое обидное – деньги-то у меня есть, чтобы нанять няню или домработницу, но где найти слова, чтобы убедить моего мужа в том, что мне легче заплатить за весь этот домашний труд, чем круглые сут-

ки носиться по квартире с тряпкой в руке?! К тому же мое творчество хорошо оплачивается!

Ольга Дмитриевна была нарядно одета в светлый хлопковый костюм и удобные светлые лодочки. Высокая, стройная брюнетка с красиво уложенным каре. Синие глаза, чудесная улыбка. В ней чувствовалась порода, и это сразу расположило Сашу к этой женщине. Возможно, и разговор-то этот серьезный состоялся именно потому, что на соседней скамейке появилась Ольга Дмитриевна. Будь на ее месте одна из многочисленных мамочек, с которыми Саша каждый день встречалась на детской площадке, она ни за что не стала бы заговаривать о наболевшем. Всех вполне устраивала их жизнь, и многие бы просто не поняли ее стремления работать, когда есть возможность просто заниматься ребенком и домом.

– А чем вы занимаетесь, Сашенька?

Ей было под шестьдесят, возраст чувствовался в ее манере разговаривать и держаться, но не во внешности. Кожа ее была довольно свежа, да и морщин было не так много. Конечно, она не бедствовала, об этом свидетельствовали сверкающие брильянты в ушах, да и автомобиль, на котором она потом увезла внука домой, также указывал на то, что она живет в достатке и ни в чем не нуждается. Вполне возможно, что она прибегала к пластической хирургии, подтянула себе лицо, омолодилась. Ну и что ж? Это ее дело. Главное, что выглядела она ухоженной, даже холеной, и уж точно не на свой возраст.

Саша, разговорившись с ней, разоткровенничавшись, только потом поняла, что все время, что они находились вместе на скамейке, говорили только о ней, о Саше. Как-то невежливо получилось, эгоистично. Она даже не успела спросить, чем занималась до пенсии сама Ольга Дмитриевна.

Поверила ли Саша в обещание новой знакомой поговорить об оформлении загородного дома со своим сыном? Нет. Вернее, поговорить-то она может, конечно, тем более что Саша прямо там же, не откладывая, отправила ей с телефона свое портфолио с работами, которые должны были произвести на нее хорошее впечатление. Поговорит, да только дальше разговора дело может и не пойти. Далекое не всякий владелец загородного дома желает, чтобы стены его дома были расписаны. У каждого свои предпочтения и вкус.

И вдруг этот утренний звонок. Мужчина представился сыном Ольги Дмитриевны, сказал, что готов поговорить с Сашей и даже показать свой дом, чтобы она сама уже решила, уместно ли будет его оформлять росписью. Больше того, он сам предложил заехать за ней домой.

Все складывалось настолько гладко, что Саша восприняла это как хороший знак. Значит, она делает все правильно. И все ее мысли постепенно станут реальны, материальны (в Интернете было полно блогов как раз о материальности мыслей и желаний, только плати блогерам деньги и станешь счастливой).

Хозяина, сына Ольги Дмитриевны, звали Игорь. Очень за-

нятой человек, бизнесмен, он, может, и обладал каким-то вкусом, но дом его об этом молчал. Снаружи похожий на небольшой дворец с башенками, внутри – огромная белая коробка с множеством пустых, с белыми стенами, комнат, мраморной лестницей, светлой плиткой. Дом представлялся Саше белым, чистым листом бумаги или холстом, который ждал, когда же им, наконец, займутся и вдохнут в него жизнь, краски. Только войдя в этот новый дом, практически нежилой, где обитали сама Ольга Дмитриевна и Игорь, она не ощутила ни одного запаха – даже чай с лимоном, которым Игорь угостил ее, словно не спешил отдать свой аромат.

Находясь под впечатлением от возможности получить такой серьезный заказ, Саша даже не сразу и сообразила поначалу, кто с кем живет. И только уже на обратном пути в город, в машине, Игорь, сорокалетний красивый брюнет с темными глазами и бледной кожей, рассказал, что построил этот дом недавно, для своей семьи – матери и сестры. Однако мама большую часть времени проводит все-таки в городе, с Леной – нянчит внука. О том, женат ли он сам, Игорь, конечно, ничего не сказал, словно Саша сама должна была догадаться, что он холост. Или разведен, или вдовец. Во всяком случае, в доме она не увидела ни одного предмета, который свидетельствовал бы о том, что там проживает молодая женщина. И опять – это отсутствие запаха обитаемого жилища. В доме пахло еще свежей краской, штукатуркой, свежей доской и моющими средствами. Хотя Игорь вполне мог обитать с

женой и детьми в московской квартире...

Они договорились о том, что Саша завтра придет в дом еще раз (ей доверили ключи) и уже спокойно осмотрит его, прикинет, что там можно будет сделать, пофотографирует комнаты, чтобы в дальнейшем подготовить эскизы будущей росписи. И если Игорю и Ольге Дмитриевне понравится ее проект, они, сделав заказ на роспись, поручат ей к тому же еще найти хорошего ландшафтного дизайнера, который, опираясь на стиль дома, займется благоустройством сада. Словом, все складывалось самым благоприятным образом. Главным теперь для Саши было добиться того, чтобы муж понял ее, смирился с надвигающимися переменами в их семейной жизни. Ведь если она возьмется за проект, то ее подолгу не будет в доме, и воспитанием маленькой дочери займется няня. Причем няня, которую ей только еще предстояло найти.

И хотя няни еще и в помине не было, Саша чувствовала себя счастливой. И, складывая тарелки в посудомоечную машину, она улыбалась.

4

Лариса

Ее лицо сначала побледнело, затем пошло красными пятнами, при этом она продолжала смотреть на Седова во все глаза, словно в ожидании каких-то подробностей, продолжения. Он так и не понял, дошло до нее, что ее мужа убили, или нет.

Жену Вершинина звали Лариса. Это была миловидная, хрупкая шатенка лет двадцати пяти. Дверь она открыла ему в шелковой, шоколадного цвета пижаме. Высокая, стройная, холеная.

Его так и подмывало спросить ее, почему она так легко открывает дверь постороннему, ведь, даже заглянув в глазок, она увидела лишь мужчину с какой-то там «корочкой» в руке. И не факт, что человек, представившийся следователем, является таковым. Но, конечно, он ни о чем таком ее не спрашивал. Он принес в дом скорбную весть, и сейчас она заполонит собой всю жизнь этой молодой красивой женщины.

Ему показалось или нет, что она, даже услышав от него о смерти мужа, машинально подула на свои свеженакрашенные ногти? Нет, не показалось, его звонок на самом деле прервал этот важный маникюрный процесс – в квартире все еще крепко пахло ацетоном.

– Я пройду?

– Да... – очнулась она и снова подула на свои розовые перламутровые ноготки. – Проходите, пожалуйста. Кофе? Чай? Есть еще компот из груш, я сама варила.

Нет, она, похоже, ничего пока не соображает. Действует и говорит машинально, произнося дежурные фразы. Зачем-то про компот вспомнила. Другая бы на ее месте в обморок упала или сползла бы по стеночке, на грани истерики.

– Компот из груш, – зачем-то сказал он.

Они расположились в гостиной в мягких креслах напротив друг друга.

– Лариса, вы поняли, что я вам сейчас сказал?

– Да-да, – нервным фальцетом выстрелила она, и он увидел, как ее тонкие пальцы впились в мякоть белых пухлых подлокотников. – Вы сказали, что Мишу убили. И как его убили? Застрелили, что ли?

Она бросила на него какой-то странный, почти недоверчивый взгляд, словно все еще сомневаясь в том, что ей сказали правду.

– Нет, ему нанесли несколько ударов ножом.

– Какой ужас... И что с машиной? Он недавно купил машину, там сиденья кожаные, кремовые... Думаю, теперь не отмыть, – как-то слишком уж серьезно произнесла она.

– С чего вы взяли, что его убили в машине?

– Я? Я не знаю... – быстро ответила она. – Просто представила себе... Он же отправился на работу на машине, вот

я и подумала...

Вот теперь ему предстоит озвучить адрес, где был найден труп ее мужа.

– Руставели? Да?! – Брови ее тонкие, изогнутые, взлетели вверх. – Там? Ну надо же! Как неожиданно... И что же он там делал?

– Вам знаком этот адрес? – Он повторил номер дома и квартиры.

– Да нет... Не знаю... – И вот тут она густо покраснела. И было от чего. Просматривая записи видеокамер, установленных на стене дома со стороны парадного подъезда, сделанные в течение последней недели, Седов увидел женщину, удивительным образом похожую на Ларису. Сначала, когда помощник принес ему флешку с записями, он хотел отложить просмотр на потом, поскольку первым делом надо было навестить вдову Вершинина. Однако какое-то внутреннее чувство подтолкнуло его к тому, чтобы воспользоваться флешкой без промедления. Он именно просматривал ее, а не изучал. И просматривал мельком.

Кого он надеялся там увидеть? И самого Вершинина, и всех тех, кто входил в дом с утра и до предполагаемого момента убийства. Среди них вполне мог быть убийца. Но в основном, конечно, в утренние часы дом покидали – жильцы отправлялись на работу. В 10.48 в подъезд вошел сам Михаил Вершинин, в 11.52 женщина преклонного возраста в сум-

кой-тележкой и в 11.58 – дама, приехавшая на красно-белом «Ситроене». Валерий Седов решил заглянуть в папку с видеозаписями предыдущего дня. Тогда-то и заметил женщину, похожую, как сейчас выяснилось, на Ларису Вершинину. Хотя он мог и ошибиться. Надо бы еще раз взглянуть, увеличить кадр...

– Лариса, я понимаю ваше состояние, но мне надо задать вам несколько вопросов.

– Задавайте, – она вся подобралась, напряглась и теперь смотрела на него с болью во взгляде.

– Вы не знаете, кто и за что мог убить вашего мужа?

– Нет. Понимаете... Миша... Не могу сказать, что он был человеком простым... Я бы даже сказала, что он был конфликтным и сложным. Но, говоря об этом, я имею в виду его профессиональную деятельность. Он был строг на работе, понимаете? Со своим персоналом. Мог наорать на человека, который сорвал поставку мебели... Тщательно подбирал себе персонал... Ох, я не знаю, что говорю... Словом, не представляю себе, кто и за что мог желать ему смерти и тем более убить.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Говорю же – утром, когда провожала его на работу.

Седов задавал простые, можно даже сказать, дежурные вопросы, какие и задают в подобных случаях, но ничего интересного для себя не узнал. Михаил Вершинин помимо того, что изготавливал на своей фабрике дешевую мебель, закупал

еще и итальянскую, продавал ее, зарабатывая на этом неплохие деньги, и практически целыми днями пропадал на работе. У супругов не было детей, но, если верить Ларисе, никто из них особо не переживал по этому поводу. Ни Ларисе, ни Михаилу дети не были нужны. Они жили для себя, и, возможно, каждый жил вообще своей жизнью. Доказательством того, что между супругами не было даже привязанности, не говоря уже о любви, было отсутствие нормальной реакции Ларисы на смерть мужа. Ну, убили и убили, что ж, грустно-вато, конечно. Первое, что ей пришло в голову – кровь в новой машине, которую будет трудно отмыть. С таким Валерий сталкивался впервые. И с чего она взяла, что его застрелили, да еще и в машине? А может, она сказала так нарочно, потому что отлично знала, где и как был убит супруг? Хотя нет, про кровь в машине она сказала, находясь в шоке, все еще не осознав масштаба трагедии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.